

Литература

1. Макогоненко Г.П. Пушкин и Державин // Державин и Карамзин в литературном движении XVIII - начала XIX века. - Л., 1969.
2. Чумаков Ю.Н. "Осень" Пушкина в аспекте структуры и жанра // Пушкинский сборник. Учёные записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. - Т.483. - Псков, 1972.
3. Чердниченко М.В. Державин // А.С. Пушкин. Школьный энциклопедический словарь / Под ред. В.И. Коровина. - М., 1999.
4. Аверинцев С.С. Поэты. - М., 1996.
5. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Изд-е Императорской академии наук. Т.VII. СПб., 1872. С.517-523. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы в круглых скобках.
6. Автухович Т.Е. Риторика и русский роман XVIII в.: Взаимодействие в начальный период формирования жанра. Учебное пособие по спецкурсу. - Гродно, 1996.
7. В связи с проблемой "жизни и смерти" в поэзии Державина о "равновесии" пишет новейший исследователь: "Ни открытое радостное приятие мира, ни аскетическое отречение от него, а нечто третье, уравнивающее эти крайности..." (Николаев Н.И. Внутренний мир человека в русском литературном сознании XVIII века. - Архангельск, 1997).
8. Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки. 1960-1990. "Евгений Онегин" Комментарий. - СПб., 1995.
9. Серман И.З. Русский классицизм: Поэзия. Драма, Сатира. - Л., 1973.
10. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. - М.:Л., 1937-1949. Т. VI. С 165. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы в круглых скобках.
11. Краснов Г.В. "Я занялся воспоминаньем..." // Краснов Г.В. Болдино. Пушкинские сюжеты. - Нижний Новгород, 2004.
12. Я.К. Грот отмечает, как аналог "средней стези", "златую посредственность", воспетую Горацием. Вместе с тем, он указывает на универсальный характер горацианских мотивов в поэзии XVIII века (Ш,31; 491).
13. По поводу этих строк Ю.В. Стенник замечает: "Ироничность стихов помогает уловить несоотнесимость провозглашаемого идеала пошлости с внутренним миром автора, и последующая исполненная грусти строфа снимает ощущение иронии. Но существенно, что сама форма воплощения поэтической мысли, заключённой в этом авторском отступлении, была фактически задана стихами Державина:
Блажен, воспел я, кто доволен
В сем свете жребием своим..."
(Стенник Ю.В. Пушкин и русская литература XVIII века.- СПб., 1995).
14. Сравним в письме Г.Р. Державина О.П. Козодавлеву (май, 1783): "Я добродетели царевны противоположил моим глупостям" (V,369).

Н.В. ЦВЕТКОВА

ДНЕВНИК С.П. ШЕВЫРЕВА И КРИТИКА ЖУРНАЛА "МОСКОВСКИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ" (1835-1837)

Дневник, который Шевырев вел, находясь в Италии и Швейцарии в 1829-1832 годах, издан в полном тексте лишь в 2006 году [15]. Он поражает разносторонностью интересов писателя, крупномасштабностью идей и планов, глубиной мысли. Главными предметами размышлений Шевырева стали историческая судьба России и планы российского просвещения и воспитания, судьбы национальной литературы, эстетики и критики. Выступая в дневнике идеологом и философом, создателем программы общественного развития России, он особую роль в ней отводит национальному просвещению и воспитанию, в котором не последнее место принадлежит эстетической стороне жизни народа, напрямую, как он считает, связанной с его свободой.

В Италии Шевырева больше всего поражает эстетическая сторона жизни, которая свойственна даже простому народу. Он погружается здесь в изучение исторических, архитектур-

ных, художественных памятников. В этой стране, "красота и искусство которой сохранили изначальную духовность", он "видит идеал, к которому должна стремиться Россия" [7, 111]. Одна из первых записей дневника, сделанная 7 марта 1829 года, именно об этом: "У меня родилась мысль написать Рассуждение об эстетической жизни народа, а особенно о степени развития оной у русских. Этой брошюрой хорошо бы мне возобновить мое литературное поприще по возвращении в Россию. Если буду [распространять] издавать журнал, то цель его будет - распространение жизни эстетической в России" [15, 48].

После возвращения в Россию писатель действительно вместе с бывшими любомудрами примет участие в журнале "Московский наблюдатель", целью которого станет не столько "распространение жизни эстетической", сколько защита духовных и культурных ценностей в эпоху промышленной литературы. Главную роль в этом деле Шевырев отводит "движущейся эстетике" - критике, имеющей научные основы. Дневник Шевырева позволяет увидеть, как рождаются наблюдения, планы, выводы в области эстетики, теории поэзии, истории поэзии, которые впоследствии найдут свое воплощение и развитие и в научных сочинениях Шевырева 1830-х годов ("Дант и его век", "История поэзии", "Теория поэзии"), и в журнале. В "Московском наблюдателе" он выступит в роли главного критика, имеющего свое особое представление о научных началах критики, связанных с идеями таких авторитетов в области эстетики, как Шиллер, Ж.-П. Рихтер, Винкельман, Гердер, Лессинг, явный и настойчивый интерес к которым отражен в дневнике.

В самом конце 20-х - начале 30-х годов, что хорошо отражают записи дневника, наиболее авторитетными для Шевырева в области эстетики станут Винкельман, Лессинг, Гердер. Так, в начале сентября 1829 года он записывает перечень авторов и их сочинений (всего 18 наименований), которые необходимо выписать для изучения. Среди них на первом месте в области эстетики сочинения Винкельмана, Гердера, Лессинга, о школах Шеллинга (не сам Шеллинг). В отличие от названных теоретиков искусства против Гегеля, с которым Шевырев знакомится в Риме, ведутся жаркие споры с Горчинским - польским поэтом, другом Мицкевича. Что именно вызывает интерес у немецких теоретиков искусства? Как их идеи повлияют на эстетические взгляды Шевырева и отразятся в его деятельности на страницах журнала "Московский наблюдатель" и в его критическом отделе?

Анализируя эстетические пристрастия писателя в этот период, Ю. В. Манн замечает его склонность к Лессингу и Винкельману - к тем, "кто был ближе к индуктивной, нефилософской теории искусства" [10, 172]. Гердера по этому же признаку также можно отнести к близким Шевыреву ученым. Более того, Гердер, подобно Шеллингу и Фр. Баадеру, уверенных в великом историческом будущем России, тоже обращает внимание на роль славянских народов во всемирной истории, предсказывает, по словам современного ученого, "большое историческое будущее славянским народам" [6, 635]. Гуманизм Гердера, его уважение ко всем народам мира, убежденность в их равноправии, отказ от "европоцентризма в истории культуры" [6, 633] - все это вызывает благодарное внимание и одобрение Шевырева, который был знаком с его идеями в период "Московского вестника", являлся переводчиком его произведений. И при изучении в Италии античной культуры Шевыреву важны те идеи Гердера, которые как будто перекликаются с идеями "Истории искусства древности" Винкельмана. Как в исследовании античного искусства "в поле зрения Винкельмана постоянно находятся климат, общие природные условия, этнические особенности, характерные черты быта и уклада жизни, системы хозяйствования, религиозные и народные верования, политические установления" [2, 480], так и в книге Гердера прослеживается связь античного искусства "с климатом страны, государственным строем, религией, образом жизни древних греков" [6, 633].

Сближает Шевырева с Винкельманом понимание того, как соотносятся такие понятия, как искусство и свобода. Немецкий теоретик в "Истории искусства древности", "выдвинув тезис о необходимости политической и духовной свободы как неперемennom условии расцвета искусства, не раз возвращается к нему на протяжении всей книги" [2, 480]. Сравним с размышлением Шевырева в дневнике от 7 марта 1829 года: "Всякое эстетическое наслаждение требует

свободы..." [15, 48]. Или с записью, сделанной ровно через год после приезда в Италию: "...русский мужик - раб, а раб не знает наслаждения изящным. Вот простой пример, почему р<усский> мужик не может наслаждаться ни цветами, ни деревьями... <...> Изящное вкушается душою свободной. Раб имеет одни животные наслаждения.<...> Можно ли наслаждаться без собственности постоянной? У р<усского> мужика все минутно, все под секирой насилия. Долго ли это будет?" [15, 146].

Подобно Шевыреву Лессинг в свое время также был озабочен судьбой национальной литературы, науки и культуры. Немецкий просветитель и теоретик искусства в знаменитом сочинении "Лаокоон, или О границах живописи и поэзии" приходил к важному для русского ученого выводу об отличительных чертах двух разных видов искусства: живописи и поэзии, которые заключаются в разных предметах изображения, в способах и формах изображения и т.д. Для русского теоретика литературы и критика идеи Лессинга, как показывают многочисленные заметки дневника, особенно важны.

Самое прямое отношение к критическому отделу "Московского наблюдателя" имеет запись, сделанная Шевыревым в дневнике в ноябре 1830 года: "Если б Шаховской прочел и понял Лессинга, он бы узнал, что всякий род искусства имеет свои границы, что Бельведерский Аполлон нейдет под кисть, а "Преображение" под резец, что "Юрий Милославский", "Ивангое" не годятся на сцену, одним словом, что роман не трагедия, трагедия не роман" [15,202]. Основополагающая идея критического отдела журнала как раз и заключается в том, чтобы рассмотреть современную литературу в свете ее родовых и жанровых особенностей. В дневнике Шевырева, как впоследствии в журнале, найдем высказывания и статьи, в которых целенаправленно обсуждается, например, жанровое своеобразие романа и трагедии.

Так, размышления писателя о жанровом своеобразии романа в дневнике связаны с осознанием той роли, которую в нем играет сюжет: "Действие в романе можно сравнить с клубком ниток: развиваешь, развиваешь его - все остается; вот уж виден угол карточки, на котором намотаны нитки, но еще долго разматывать; снова нитки запугались, мало-помалу яснеет карточка и всегда предвидится конец клубка. Любой роман В. Скотта подтвердит это сравнение" [15,202]. Жанровое своеобразие романа, заключающееся в обилии сюжетных линий и динамичном их развитии, Шевырев представляет для полной ясности в метафорической форме. И тут же приводит сравнение романного жанра с трагедией: "Трагедия напротив. В ней все быстро, все взрыв, все вспышка, все внезапно" [15,202]. Таким образом, Шевырев в дневнике размышляет о жанровых признаках драмы и романа, проводит четкие границы между ними, следуя за теорией Лессинга.

Под влиянием немецких теоретиков и поворота в целом в европейской науке к истории как науке наук Шевырев приходит к важному выводу об общих основах эстетики и критики в России. 23 июля 1830 года он записывает в дневнике: "В России мне кажется, должно бы предпочесть методу историческую и самую философию, если возможно, заключить в историю. Если бы я стал писать эстетику для русских, я предложил бы ее в порядке историческом..." [15,174]. Свой замысел он исполнит в книгах "История поэзии"(1835) и "Теория поэзии"(1836), а также в критическом отделе "Московского наблюдателя".

В том же 1830 году, кроме выводов о "порядке историческом" для русской эстетики, писатель приходит к важному выводу и об особенном пути развития русской литературы. В дневнике он записывает: "Литература греческая имела естественное развитие, так что история греческой поэзии, ограниченная именами Гомера, Пиндара, Эсхила, Эврипида и Аристофана, есть олицетворенный живой курс пиитики. Литературы новейших народов, напротив, имеют искусственное развитие: надобны Винкельманы, Гердеры и Лессинги, чтобы расчищать засоренные источники национального направления" [15,126]. В этом рассуждении важна мысль об особом ходе "литературы новейших народов", которая, по мнению Шевырева, приобретет национальные черты и органичное направление движения в том случае, если в своем развитии она опирается на идеи любимых писателем авторитетов в области истории и теории искусства и литературы. Таким образом, в дневнике Шевырев приходит к твердому выводу: в развитии

новейших литератур первостепенная роль принадлежит теории литературы и критике.

Итак, в развитии отечественной литературы как новейшей, писатель обозначил приоритеты в области теории: Винкельман, Гердер, Лессинг. В то же время в дневнике он определил в развитии русской литературы роль критики: "Критика предшествует национальным произведениям. Так и наша литература должна иметь искусственное развитие или развитие с сознанием, вследствие умственного убеждения, которому поможет и инстинкт гения. Гомер состоит в начале поэзии греческой, Гете - в конце германской. Эта мысль разовьется в моем рассуждении о месте [назначении], которое литература русская имеет занять в ряду прочих литератур европейских" [15,126].

В журнале "Московский наблюдатель" такого рассуждения опубликовано не было, однако мысль Шевырева о проектах в России, посвященных делу эстетического и гуманитарного просвещения и воспитания соотечественников, приобретет форму конкретного плана из 7 пунктов, которые включают как переводы классиков, так и издание книг по истории государств, европейского театра, словарей и т.д. Проекты для России записаны Шевыревым в дневнике в начале ноября 1831 года. Можно сказать, что критическая деятельность писателя – это воплощение эстетического проекта.

В журнальных статьях писатель не один раз говорит о соотношении русской литературы с "литературами европейскими", повторяя свое убеждение о значении критики в развитии национальной русской литературы как позднейшей. Уже в первом номере "Московского наблюдателя" в его программной статье "Словесность и торговля" сказано о критике, которая "утвердится на верных правилах науки, на положительных свидетельствах истории словесности". Но наиболее глубокое понимание критики Шевырев изложит в другой программной статье журнала "О критике вообще и у нас в России" [12].

В композиции ее две части: теоретическая, посвященная основам критики, и полемическая, обращенная к главному критику и критике журнала "Библиотека для чтения". Исходя из выводов дневника о сходстве русской литературы как позднейшей с немецкой ("вышла из критической школы"), Шевырев в статье говорит о том, что и российская словесность должна развиваться под влиянием "критики национальной, воспитанной своею наукою и основанной на глубоком изучении истории словесности" (МН,1835, I,498). Шевырев в таком выводе о критике дает характеристику в первую очередь собственным критическим опытам в журнале.

Каким же образом критика будет участвовать в рождении русской словесности, которую Шевырев понимает как "выражение национального духа в слове, выражение образованное и полное" [МН,1835, I,495], солидаризируясь в своем определении с Белинским? В литературном мире критик видит животворящую силу искусства, с одной стороны, а с другой стороны, силу, удерживающую в лице науки, представляющей избранных, и предания, представляющего вкусы толпы. Жизнь литературного мира и заключается в постоянном противоборстве этих сил. Роль критики, по мнению Шевырева, как раз и состоит в регулировании отношений между творчеством, с одной стороны, и наукой и преданием, с другой. Анализируя статью Шевырева, исследователь, видит в ней утверждение новой методологии в осмыслении литературных явлений: "Дело не в том, что Шевырев отказался от философского мышления, с которым он соприкоснулся в кружке Любомудров, или порвал с немецкой эстетикой и философией вообще, а в смене методологии: уклонившись от немецкой идеалистической философии искусства (в том числе и гегельянства), которую он называет "синтетической", Шевырев предложил "исторический" метод анализа литературных явлений, ставший предтечей историко-культурной методологии в России" [8, 100-101].

Как считает В. М. Маркович, "именно с представлением об особой природе критики связаны важнейшие надежды Шевырева, и прежде всего его вера в возможность такого развития русской словесности, которое бы оказалось одновременно управляемым и живым" [11, 26]. А значит, именно критика может определить развитие русской литературы и культуры в меркантильный век. Однако в России с появлением "Библиотеки для чтения" читающая "публика", по мнению Шевырева, "руководствуется ее суждениями", ее произвольными оценками

и выводами. С горькой иронией критик отмечает, что литературное и эстетическое образование русского народа осуществляет тот, кто спрятался под маску татарина и ввел полную произвольность в своих критических суждениях. Для Шевырева - профессионального филолога и просветителя - важна *личность* критика, с одной стороны, как знатока, опирающегося на достижения науки, с другой, как человека, осознающего меру ответственности за свои оценки. В таком понимании он основывается на опыте образованного меньшинства в лице Пушкина и сотрудников "Современника", а также мировой культуры: "Все величайшие критики мира, выходя на это трудное и скользкое поприще, где личность человека справедливо подвергается подозрениям в самолюбивой гордости, ... старались прикрывать свои личные мнения или правилами науки, или голосом предания, или голосом мнения общественного, или общим языком мысли, одним словом, старались уничтожать свое лицо, а говорить как будто от лица истины, от лица рассудка и вкуса, подкрепленного свидетельствами истории" [МН, 1835, I, 513].

Для того чтобы кредо меньшинства стало правилом современной журналистики, Шевырев высказывает пожелание: "*чтобы всякая критика была скреплена подписью имени рецензента*" (курсив Шевырева). Значение имени автора в журнальных статьях 30-50-х годов для Шевырева впервые было осмыслено О. А. Бознак [4, 194-246]. Но обращение к его дневнику позволяет внести важные уточнения и сделать новые выводы. Запись в дневнике 1 апреля 1831 года свидетельствует о нем не только как человеке законопослушном и требующем того же от общества в целом. Как факт естественный он воспринимает "свободу книгопечатания, но с тем условием, чтобы всякий сочинитель статьи объявлял свое имя, а без этого не позволял бы говорить" [15, 247]. В таком понимании "свободы книгопечатания" заключена мысль об ответственности за печатное слово. Она возложена на имя сочинителя и, несомненно, на его, Шевырева, собственное имя в печати, в журналистике.

Постоянно оглядываясь на Петра Великого, по его мнению, гениального монарха в русской истории, он сочиняет пословицу для русских: "Будь [христианином] человеком по Христу, будь русским по Петру" [15, 187]. И даже собственное имя осознает как некий знак отношения или связи с ним. После пословицы для русских он записывает: "Я очень рад, что отец мой назывался Петром. Да буду я венец от камне честной" [15, 187]. В этом признании присутствуют и большие надежды на славу *реформатора и преобразователя*, каким был Петр, и смиренная готовность к такому же *подвижническому служению*, к которому был призван ревностный ученик Христа Петр ("был назван камнем, на котором основана церковь" [13, стл. 1799 [курсив мой - Н. Ц.]

Шевырев воспринимает свое имя так, как говорил П. Флоренский: "Имя оценивается Церковью, а за нею - и всем православным народом, как тип, как духовная конкретная норма личностного бытия, как идея, а святой как наилучший выразитель, свое эмпирическое существование соделавший прозрачным так, что чрез него нам светит благороднейший свет данного имени" [14, 38]. Имя для Шевырева, таким образом, означает и жизнь, и судьбу, и честь. Он принципиально все главные статьи в журнале "Московский наблюдатель" подписывает: С. Шевырев, Шевырев, или С. Ш. Ю. М. Лотман объясняет такую позицию критика еще и тем, что в послепетровскую эпоху меняется статус писателя и, значит, во времена Шевырева "личная человеческая честность автора делается критерием истинности его сообщения" [9, 369].

Аноним и псевдоним для Шевырева неприемлемы как средство безответственного отношения к печатному слову, что доказывают критические статьи "Библиотеки для чтения", в частности, публикации под псевдонимами Тютюнджю-оглу, Т.-оглу. Шевырев видит в них "личное мнение без имени лица, прикрытое татарским анонимом". В псевдониме Сенковского он сталкивается еще и с особой национальной принадлежностью, в результате чего русская литература оказывается созданной не для великой цели воспитания и просвещения, а для "забав татарского хана", олицетворяющего вкусы массового читателя. В борьбе с Сенковским и массовой литературой Шевырев в итоге потерпел поражение. Однако в критическом отделе "Московского наблюдателя" он как теоретик и критик литературы опередил свое время, предвосхитил важные открытия, оказавшие решительное влияние на развитие эстетики и критики в России.

Так, впервые в истории русской критики именно в этом журнале писатель показал, что такое "историческая метода" в подходе к литературе XVIII века и современной ему. При этом он заранее изложил теоретические положения и проверил их в книге 1834 года "Дант и его век", уточнив и расширив их в своей диалогии "История поэзии" (1835) и "Теории поэзии" (1836). Уже название сочинения "Дант и его век" позволяет выявить методологические принципы исследования, в котором главная задача - проследить связь творчества Данте с характером и проблемами его эпохи. В результате в разборе "Божественной комедии" исследователь старается совместить анализ политических, научных, философских, общественных проблем, волновавших поэта и отразившихся в произведении, с анализом художественных его особенностей, его языка. Таким образом, Шевырев стремится объединить историческое и эстетическое начала в подходе к художественному произведению, что он осуществит в критическом отделе "Московского наблюдателя". Белинский теоретически определит тот же подход к произведениям литературы лишь в 1842 году в статье "Речь о критике".

Обратимся к критике журнала, к разбору сочинений Кантемира, доказывающему, какие глубокие возможности открывал этот подход к художественному произведению в середине 30-х годов. "На что нападал Кантемир в своей первой сатире? - спрашивал Шевырев. - На невежество, на борьбу его предрассудков с наукою и просвещением, потому что это было главная задача той эпохи... Это было великое действие драмы, начатой Петром Великим" [МН, 1836, VI. 264]. Современность жанра сатиры в эпоху Петра критик объясняет главными потребностями времени. Этот жанр соответствует понятию "век" и по содержанию: сатиры, по словам Шевырева, являются "выражением общественной жизни" России, несмотря на влияние Горация в форме и изложении. Издание сочинений Кантемира для Шевырева событие и своевременное, и значительное. В них он видит материал для "Критической истории русской литературы", создание которой считает необходимым.

Разбор Шевырева в "Московском наблюдателе" 1836 года как будто намечает основные положения будущей статьи Белинского 1845 года "Портретная галерея русских писателей. Кантемир". Сходство, иногда дословное, в восприятии и оценке сатир Кантемира у критиков не случайно: оно предопределено единством критического метода, о котором Белинский в 1842 году писал: "Критика историческая без эстетической, и наоборот, эстетическая без исторической, будет односторонняя, а следовательно, и ложна. Критика должна быть одна..." [3, 294]. В своей статье Белинский, как и Шевырев, говорит о "высшем значении сатир Кантемира, появление которых было вызвано главными потребностями эпохи: "Здесь Кантемир является первым писателем, вызванным реформой Петра Великого..." [VIII, 631]. Как и Шевырев, Белинский признает сатиры Кантемира оригинальными произведениями русского поэта. "Сатиры Кантемира, - делает вывод критик, - ...в высшей степени оригинальные произведения: так умел Кантемир применить их к быту и потребностям русского общества!" [VIII, 631]. Вспоминание издания сочинений Кантемира 1836 года, и Белинский отмечает в нем отсутствие научного комментария, как Шевырев. Симптоматические переключки Белинского 40-х годов с главным критиком "Московского наблюдателя" очень показательны: в общем подходе к Кантемиру Шевырев здесь является непосредственным предшественником Белинского.

Свой принцип критики, обдуманый еще в Италии, Шевырев оригинально осуществляет на материале истории русской литературы. В его анализе художественная сторона сочинений Кантемира рассматривается "в отношении к эпохе, к исторической современности" (VI, 284) - как определит позднее черты историзма Белинский. Закономерно, что ученый XX века считает, что в поисках Шевырева главным достижением явились критерии историзма. [1, VIII-X].

Без преувеличения можно сказать, что современная литература в журнальных статьях Шевырева стала предметом систематического исследования. В одной из статей, используя методологию своих сочинений "Дант и его век", "Теория поэзии", он пытается определить задачи литературы, соотносясь с характером своего времени: "Психологические задачи о человеке всего более привлекают теперь наше внимание... Анатомия души есть наука века..." [МН, 1836, VI, 244]. В емкой формуле критик высказывает мысль, в это время близкую Бестужеву-Марлинскому,

Кюхельбекеру, Баратынскому и другим современникам, теоретически обосновывая "тот своеобразный путь, которым пойдет русская проза 40-50-х годов: изображение не отдельного чувства и страстей, а самого психологического процесса во всей его противоречивости..." [16, 196].

Опираясь на исторический метод, романтик Шевырев устанавливал связь между чертами времени и особенностями литературного развития, между характером века и художественной формой. По его мысли, наиболее совершенным современным жанром литературы должна стать психологическая повесть. Чтобы передать содержание времени - "анатомию души" - писателю нужно быть глубоким исследователем мира души человека. Верное изображение века, по Шевыреву, психологическое изображение. Жанр повести обладает важными художественными возможностями для этого. Вот почему в разборе "Трех повестей" Н. Ф. Павлова Шевырев утверждает: "Повествователь должен быть психологом" (МН, 1835, 1, 125). "Дар описывать душу и вникать в ее движения", с точки зрения критика, является самым значительным достоинством современного писателя. Воспринимая талант автора "Трех повестей" как психологический, Шевырев по-своему определил эстетическую ценность его произведений и связь писателя с "исторической современностью".

С жанром психологической повести критик в журнале сближает исторический роман, который отражает внутреннюю жизнь народа в определенный исторический период. Только в определенное время он вносит требование исторической точности. Разбирая роман "Скопин-Шуйский", Шевырев пишет: "... нельзя не заметить, что этот роман, представляя в подробности внешние исторические события, слишком мало раскрывает перед нами внутреннюю жизнь эпохи и русского народа в начале 17 века. Роман не есть еще история, отгаданная в подробностях: он более чем история: он есть жизнь" [МН, 1836, VI, 86-87].

Созданная критиком "Московского наблюдателя" теория повести (романа), с которой спорили такие его современники, как Надеждин и Белинский в "Телескопе", найдет свое воплощение в статьях других участников журнала. Например, Лихонин приходил к выводу о том, что "психология, или анатомия души человеческой, со всеми ее оттенками должна составлять главное усилие современного романа" (МН, 1836, VII, 242), что автор современного романа должен обладать "микроскопическим взором Бальзака или нашего Н. Ф. Павлова..." [МН, 1836, VII, 245]. Дословно повторяет Лихонин выражение Шевырева "анатомия души". Не без влияния главного критика он пытается представить картину истории русской литературы до и после Петра, идея развития которой связана с изменением жанров.

Переводы из зарубежных периодических изданий, опубликованные в критическом отделе журнала, хорошо дополняют теорию романа. Например, в статье "Вальтер Скотт и его последователи" [МН, 1837, XII] речь идет об английском романисте и его последователях в жанре исторического романа, а в статье "Бальзак" интерес представляет размышление о жанре философического романа, "где ткань событий и сцепление положений настроены к тому, чтобы развить перед нами какую-нибудь систему, как оценивать все житейское или где хотят осмотреть какую-нибудь гражданскую истину со всех точек зрения" [МН, 1836, VIII, 125]. Таким образом, переводы из зарубежных журналов вносят новые представления о жанровой картине современной литературы: о "философическом" типе романа и расширяют о жанре исторического романа.

Жанр драмы, о котором Шевырев размышлял в дневнике, становится предметом его рассмотрения и в статьях журнала. Наряду с динамикой действия в драме, по мысли критика, в ней должно быть особое содержание, особый предмет изображения. Например, в статье о драме Н. Кукольника "Князь Михаил Васильевич Шуйский" Шевырев радуется за то, чтобы предметом изображения современной русской драмы стал героический мир истории и обращает внимание на "Историю государства Российского" как возможный источник сюжетов. Это сочинение Карамзина, по словам критика, "дает новое направление словесности, способствует к развитию национального в ней духа" [МН, 1835, 1, 110]. В настоящее время, воплощаясь в художественную структуру драмы, история Карамзина "может иметь снова влияние на жизнь народа" [МН, 1835, 1, 110]. Историческая драма, в центре которой явится высокое событие нацио-

нальной истории, должна вообще стать фактом современной духовной жизни России. Не случайно Шевырев неудачу драмы Н. Кукольника "Джулио Мости" объясняет неверным предметом изображения: в центре ее история души главного героя.

Теорию драмы, развитую в журнальных статьях Шевырева, углубляют статьи В. Андросова о "Ревизоре" и автора, подписавшегося -о-, о комедии "Недовольные" Загоскина. Н. И. Мордовченко доказал, что автором статьи о "Недовольных" является Н. Ф. Павлов. Если Шевырева привлекала историческая драма, то в разборах сотрудников журнала обсуждалась проблема современной драмы. Статью Андросова о гоголевской комедии можно назвать первым серьезным исследованием "Ревизора", за которым последует разбор Вяземского в "Современнике". Статьи Андросова и Вяземского близки и по мысли, и в методологическом отношении: критики определяют место "Ревизора" в истории русской драмы, говорят о его художественном своеобразии и общественном значении. Обе статьи являются ответом на разбор комедии в "Библиотеке для чтения". Задача критиков "Московского наблюдателя" и "Современника" была единой: доказать, что "Ревизор" - это высоко художественное произведение, близкое традиции общественной русской драмы.

По мысли Андросова, Гоголь - продолжатель Грибоедова. Но если талант Грибоедова "есть поразительное правдоподобие", то талант Гоголя имеет уже новое, более высокое художественное качество. В "Торе от ума", по Андросову, заключена "истина действительного", в "Ревизоре" - "истина возможного", которую современный исследователь мог определить как господство типического. По мысли Андросова, типичности в изображении Гоголь достигает, проникая в "то начало, которое... определило действие лиц в известных отношениях, независимо от всех разнообразных случайностей..." [МН, 1836, VII, 127]. Гоголевское проникновение в глубину русской жизни дает право Андросову назвать "Ревизор" "новой драмой", фактом общественной жизни.

О связи современной комедии с общественной жизнью писал в журнале и Н. Ф. Павлов в статье о "Недовольных" Загоскина. Резко выступал он против ложного смысла комедии, граничащей с политическим доносом: под "недовольными" в ней подразумевались М. Ф. Орлов и П. Я. Чаадаев, близкие к редакции "Московского наблюдателя". "Написать такую комедию... - это значит ссорить литературу с обществом, разрывать между ними все связи и насильно двигать ее назад, когда оно движется вперед" [МН, 1835, IV, 442], - негодовал Павлов. Искажая общественный смысл, Загоскин, по его мнению, искажал и художественное своеобразие комедии, в которой "действующие лица не оживлены духом жизни, не имеют ни характеров, ни собственного произвола..." [МН, 1835, IV, 424]. Статьи о современной драме развивают общую концепцию критического отдела журнала, развивают теорию драмы как одного из литературных родов.

В последовательно развитой в критическом отделе журнала "Московский наблюдатель" теории родов и жанров современной лирической поэзии принадлежит особенно широкая область изображения: и "важные вопросы века", и "анатомия души", и мир природы, и т.д. Среди современных поэтов наиболее значительным для Шевырева является Баратынский. Страницы его статьи в "Московском наблюдателе", посвященные разбору "Осени", по существу, являются первым в истории науки о литературе серьезным откликом на зрелую лирику Баратынского. "Направление, которое принимает его муза, - писал Шевырев, - должно обратить внимание критики. Редки бывают его произведения, но всякое из них тяжело глубокою мыслию, отвечающею на важные вопросы века" [МН, 1837, XII, 319]. В поэзии Баратынского Шевырев нашел ответы "на важные вопросы века", почувствовал философское осмысление человеческой души и духовной жизни времени, ибо "новый поэт переводит пейзаж в мир внутренний и дает ему обширное, современное значение: за осенью природы рисует поэт осень человечества, нам современную..." [МН, 1837, XII, 321]. По мысли Шевырева, через психологизм, через "анатомию души" Баратынский приходит к философскому осмыслению современности.

Анализ зрелой лирики Баратынского в статье Шевырева для середины 30-х годов - заметное по своей исторической точности и значимости явление. Стоит напомнить, что после выхода

в свет "Сумерек" Белинский так писал о "Последнем поэте": "... видно, что мысль стихотворения явилась в скорбях рождения! Видно, что она вышла не из праздно мечтающей головы, а из глубоко растерзанного сердца... И тем не менее все-таки она - ложная мысль!" [VI, 468]. Сравнительные оценки поэзии Баратынского, данные Шевыревым и Белинским, следует признать, что критик "Московского наблюдателя" более глубок, объективен. Восприятие поэзии Баратынского Пушкиным и по-новому "открытая" поэзия Баратынского в наши дни доказывают это.

В "Московском наблюдателе" приоритетным еще со времен "Московского вестника" остается создание поэзии мысли. Для этого многое делает сам главный критик журнала, уверенный в том, что время пушкинской поэзии, поэзии "гармонической точности", прошло, что современная поэзия должна быть философской, и значит, имеющей и новый язык, и новые рифмы и ритмы. Шевырев выступает инициатором и автором стихотворной реформы, над которой он размышлял на страницах дневника, пытаясь в переводах седьмой песни "Освобожденного Иерусалима" Т. Тассо показать ее на практике, к чему скептически относятся Пушкин и Вяземский.

В записях дневника (25 марта 1830 года) он снова и снова возвращается к своему переводу стихотворения Шиллера "Четыре века", опубликованному еще в "Московском вестнике" в 1827 году. Перебой метра, вызвавший замечание Погодина несколько лет назад, для Шевырева явление принципиальное, тоже связанное с планами стихотворной реформы, с судьбой русского стиха. В этом же ряду и оценки поэта Бенедиктова на страницах журнала "Московский наблюдатель". В стихах Бенедиктова, названного Шевыревым "поэтом мысли", критика привлекают не столько тематика и проблемы, сколько особенности поэтики. Отмечая в них "многие созвучия, заменяющие рифмы", критик утверждает: "... это нововведение может быть развито с пользой для языка. Свежая мысль непременно освежит и формы..." [МН, 1835, III, 458].

Прямую связь таких оценок стихотворений Бенедиктова можно увидеть с записями в дневнике 1831 года, когда возникают планы издания "Русского Рифмаря", о котором Шевырев пишет даже стихи с особым словоупотреблением и использованием языковых форм:

Я вам снижу Рифмарь, я сделаю услугу,
Я переключу все созвучья языка,
Да все слова не оттолкнут друг другу,
Да всякий звук найдет родного двойника! [15, 238]

Однако, по мнению современных ученых [5, 83-103], несмотря на явную неудачу перевода поэмы Тассо, несмотря на неуклюжие эксперименты и, на первый взгляд, несерьезные планы (чего стоит послание русским литераторам о необходимости издать Русский Рифмарь!), на восторженные отзывы о стихах поэта Бенедиктов, все рассмотренные действия Шевырева предшествуют не только некрасовской реформе, но и поискам поэтов конца XIX - начала XX века.

Идеи дневника, выношенные в Италии, развиваются в журнале "Московский наблюдатель" в настоящее теоретическое исследование, авторами которого являются Шевырев и его единомышленники - сторонники исторического метода в науке о литературе. Это исследование можно было бы назвать "Разделение поэзии на роды и виды". В 1841 году автором сочинения под таким названием стал Белинский, испытывающий влияние "исторической методики" Шевырева. Дневник, таким образом, позволяет увидеть, как возникает историческое направление в русской эстетике 30-х годов, как реализуется его методология в критике самого Шевырева и других участников журнала "Московский наблюдатель".

Знакомясь с дневником С. П. Шевырева, мы обратились лишь к некоторым его идеям, относящимся к области эстетики и критики, теории и истории литературы. Записи позволяют говорить о его авторе как крупном ученом в области эстетики, как новаторе в области критики, как новаторе и экспериментаторе в области поэзии. Записи отражают оригинальность, силу и глубину его эстетического мышления, позволяют говорить о его несомненных способностях

предвидеть пути развития русской критики, теории и истории отечественной литературы. А значит, дневник Шевырева является замечательным документом в истории русской эстетической мысли, критики и журналистики.

Литература

1. Аронсон М. Поэзия С. П. Шевырева//Шевырев С. П. Стихотворения. - Л., 1939.
2. Бабанов И. Очерк жизни и творчества Винкельмана //Винкельман И. И. История искусства древности. Малые сочинения. - СПб., 2000.
3. Белинский В. Г. Полн. Собр. соч.: В 13-ти т. - Т. VI. - М., 1957. Далее Белинский цитируется по этому изд. с указанием тома и страницы в скобках.
4. Бознак О. А. Литературно-критическая деятельность С. П. Шевырева 1840-1850-х годов. Дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. - СПб, 2004.
5. См.: Гинзбург Л. Из литературной истории Бенедиктова//Поэтика. - Вып. II. - Л., 1927; Шимкевич К. Бенедиктов, Некрасов, Фет//Поэтика. - Вып. V. - Л., 1929. -С.105-134.; Маймин Е. Об одном переводческом опыте С. Шевырева//Мастерство перевода. - Сб. 9. - М...1973. - С.385-405; Рассадин Ст. Между верою и знанием, или Русский неудачник. Владимир Бенедиктов //Рассадин Ст. Русские, или Из дворян в интеллигенты. - М., 2005. - С315-328.
6. Гулыга А. В. Гердер и его "Идеи к философии истории человечества" //Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. - М., 1977.
7. Константинова С. Л. "Итальянский текст" русской литературы XIX-XX вв. - Псков, 2005.
8. Крупчанов Л. М. История русской литературной критики XIX века. - М., 2005.
9. Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте.//Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3-х т. - Т.1. - Таллинн, 1992.
10. Манн Ю. Русская философская эстетика (1820- 1830-е годы). - М., 1969.
11. Маркович В. М. Уроки Шевырева // Шевырев С. Об отечественной словесности. - СПб, 2006.
12. Московский наблюдатель, 1835. - Ч. 1. - С.493-525. Далее статьи журнала цитируются по этому изд. с указанием в скобках года, части и страницы.
13. Полный православный богословский энциклопедический словарь: В 2-х т. - Т.2. - СПб, 1992.
14. Флоренский П. Тайна имени. - М., 2007.
15. Шевырев С. Итальянские впечатления. - СПб, 2006.
16. Эйхенбаум Б. М. Статьи о Лермонтове. - М.-Л., 1961.

А.Г. Разумовская

МАСКАРАД НА ФОНЕ ПАРКОВЫХ ДЕКОРАЦИЙ В ИСКУССТВЕ ЭПОХИ СИМВОЛИЗМА

Луна освещает карнизы,
Блуждает по гребням реки...
Холодные руки маркизы
Так ароматны-легки.

"О принц! - улыбаясь, присела, -
В кадрили вы наш vis-a-vis".
И томно под маской бледнела
От жгучих предчувствий любви.